

Кара Мин

В рабстве у демона

«Литнет»

2025

Мин К.

В рабстве у демона / К. Мин — «Литнет», 2025

Король демонического мира покупает себе рабыню – гордую воительницу с телом, выкованным в битвах, чтобы сделать её своей личной игрушкой. Он сковывает её цепями, учит и заставляет подчиняться. Она отчаянно пытается сбежать из его подземных камер, но каждый раз её планы разбиваются о его сверхъестественную силу. Получится ли у неё спастись, или она окончательно сдастся его власти?

© Мин К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1

В подземном мире, где вечная тьма сжимала воздух как удушающий покров, раскинулся невольничий рынок, где крики отчаяния эхом отскакивали от каменных стен, а запах свежей крови и паленой плоти смешивался с вонью пота и разлагающегося мяса. Факелы, шипящие и потрескивающие, освещали хаос: ряды клеток, набитых изможденными телами, помосты, где торговцы размахивали кнутами, и лужи грязи, пропитанные следами слез и крови. Звуки были оглушительными — звон цепей, хруст костей под ногами покупателей, стоны пленников и хохот демонов, заключающих сделки. Воздух вибрировал от напряжения, как будто сам рынок был живым организмом, питающимся страданиями. Азариэль, король демонов, шел сквозь эту какофонию, его черные доспехи, усыпанные рубинами, словно впитывали свет, делая его силу еще более устрашающей. Его мускулистое тело, выкованное в битвах, излучало ауру абсолютной власти — глаза, горящие как адское пламя, и улыбка, которая обещала и боль, и удовольствие. Сегодня он охотился не за обычным товаром, а за чем-то, что разожжет его темные желания: Лирией.

Она стояла на помосте, ее обнаженное тело, покрытое тонким слоем пота, блестело под мерцающим светом факелов, как полированный мрамор, испещренный шрамами — каждый шрам рассказывал историю битв, где она, вероятно, разрывала глотки врагов. Ее огненные глаза, цвета расплавленного золота, сверкали яростью, а длинные черные волосы, мокрые от пота и, возможно, слез, спадали волнами по плечам, обрамляя лицо с высокими скулами и полными губами, которые сейчас были сжаты в гневной гримасе. Лирия была воплощением дикой красоты: ее груди, полные и упругие, поднимались и опускались с каждым тяжелым вздохом, привлекаясь дрожа; талия, узкая и гибкая, переходила в бедра, сильные и соблазнительные, с мышцами, которые напрягались при малейшем движении, обещая и силу, и нежность. Ее ноги, длинные и стройные, были покрыты легкими царапинами, а между ними, в тени, скрывалось то, что Азариэль жаждал исследовать — источник ее внутренней силы, который он намеревался превратить в свой. Шрамы на ее коже, особенно тот, что пересекал бок, от бока до бедра, только добавляли ей эротичности, как отметины, говорящие о выносливости в самых интимных битвах. Азариэль почувствовал, как его тело отреагировало, когда он представил, как ее огонь сломается под его прикосновениями, превращаясь в пламя страсти, которое он контролирует.

Торговец, скользкий гоблин с гнилыми зубами и глазами, полными жадности, выкрикивал:

— Смотрите на эту дикую кошку из северных земель! Сильна как демон, и ее тело... о, оно способно на такие вещи, что заставит вас забыть о боли!

Он прошелся вокруг нее, его грязная рука скользнула по ее руке, вызывая у нее дрожь отвращения. Азариэль шагнул вперед, его плащ из черного бархата волочился по земле, собирая пыль и кровь, символизируя его презрение к этому месту. Другие покупатели расступились, чувствуя его ауру — смесь угрозы и обаяния, которая делала его неотразимым. Лирия уставилась на него, ее глаза полыхнули ненавистью, и она плюнула в его сторону, плевок упал у его ног, смешиваясь с грязью.

— Сколько за эту? — прогремел Азариэль, его голос, низкий и вибрирующий, как отдаленный гром, эхом разнесся по рынку.

Торговец замялся, его взгляд скользнул по Азариэлю с смесью страха и алчности.

— Пятьсот золотых, милорд! Она стоит каждого пенни — посмотрите на эти формы, на этот огонь в глазах!

Азариэль рассмеялся, звук был холодным и хищным, заставляя пленников в клетках замолчать.

— Пятьсот? Ты недооцениваешь ее... и меня. Я плачу семьсот, потому что вижу в ней потенциал, который ты даже не можешь представить.

Он швырнул мешок с монетами, и звон золота заглушил другие звуки. Лирия зарычала, ее тело изогнулось в цепях, мышцы напряглись, и она попыталась ударить его, но оковы удержали. Азариэль подошел ближе, его рука, теплая и требовательная, коснулась ее плеча, пальцы скользнули по коже, оставляя след мурашек. Он почувствовал ее тепло, ее пульс под пальцами, и это разожгло в нем желание, как искра в пороховом складе.

— Ты кажешься такой дикой, как шторм в пустыне, — прошептал он, его дыхание обожгло ее ухо, — Я плачу за тебя, не за твоё тело, а за твой огонь. Он будет моим.

Лирия отшатнулась насколько могла, ее глаза метали молнии.

— Ты — жалкий демон, думающий, что золото может купить свободу! Я никогда не подчинюсь тебе, даже если ты король!

Ее слова только разожгли его интерес, и Азариэль улыбнулся, его рука опустилась ниже, касаясь талии, пальцы задержались на изгибе, чувствуя, как ее тело реагирует — легкая дрожь, которую она пыталась скрыть. Внутренне он ликовал: ее сопротивление было эротичным танцем, где каждое движение ее бедер, каждое напряжение мышц, будило в нем фантазии о том, как он сломит ее, не ломая, а превращая в свою.

— О, но подчинишься, — ответил он, его голос стал еще ниже, полнее намеков, — Я не причиню тебе боли... пока. Но я сломаю тебя, как волну, бьющуюся о скалу.

Торговец поспешно освободил ее цепи, и Азариэль схватил ее за руку, его хватка была твердой, но интимной, как будто он уже обладал ею. Она вырывалась, ее тело терлось о его, что только усиливало сексуальное напряжение — запах ее пота смешался с его собственным, создавая интимный аромат власти и желания. Он уволок ее через толпу, игнорируя ее крики и попытки ударить, а рынок вокруг них продолжал жить своей жизнью: крики торговцев, звон цепей, запах дыма. В его уме уже рождались планы — не просто владеть ею, а слить их сущности в вихре страсти, где ее огонь станет его оружием. По пути его рука скользнула по ее спине, намекая на будущие удовольствия, и Лирия, несмотря на ярость, почувствовала искру, которая могла перерасти в нечто опасное.

Когда они скрылись в тени, Азариэль с триумфальной улыбкой, а Лирия с огнем в глазах, который обещал не просто битву, а страстный конфликт, способный разрушить все на своем пути. Рынок теней остался позади, но его эхо — крики, цепи, кровь — сопровождало их, как предвестник грядущего хаоса.

Глава 2

Азариэль вел Лирию через лабиринт теней, высеченный в недрах вулканических гор, где его дворец из черного обсидиана возвышался как монолит вечной ночи. Стены, гладкие и холодные, как застывшая лава, впитывали любой свет, отражая лишь слабые блики факелов, которые бросали пляшущие тени на массивные колонны, украшенные резными изображениями демонических ритуалов и древних битв. Воздух был пропитан ароматом горелого янтаря и пряных благовоний, смешанных с легким металлическим привкусом крови — напоминанием о тех, кто осмелился бросить вызов хозяину. Полы, выложенные полированным камнем, эхом отзывались на шагах: тяжелыми ударами сапог Азариэля и звоном цепей Лирии, которая шла позади, ее тело все еще напряженное от недавнего сопротивления на рынке. Дворец был воплощением его власти — залы, увешанные гобеленами из шкур поверженных героев, фонтаны, бьющие черной водой, и стражи, элитные демоны с глазами, горящими как раскаленные угли, стоящие на каждом углу, их мускулистые формы в доспехах из кости и металла, готовые разорвать любого, кто посмеет нарушить порядок.

Когда они достигли покоев, Азариэль толкнул массивные двери, и комната раскрылась перед ними как сокровищница соблазна. Стены, обитые бархатом цвета полуночи, были усыпаны драгоценными камнями, которые мерцали в свете канделябров, создавая игру теней и света. В центре стоял огромный балдахин с мягкой постелью, покрытой шелковыми простынями, которые приглашали к отдыху, а вокруг — кушетки, усыпанные подушками из перьев редких птиц, и столы, заставленные блюдами с экзотическими фруктами, мясами и винами, чьи ароматы — сладкий мускус и острый перец — заполняли воздух, вызывая голод не только телесный. Но роскошь была обманчивой: в углу комнаты, прикрепленный к стене массивным крюком, ждал ошейник с цепью, достаточно длинной, чтобы позволить Лирии передвигаться по комнате, но не дальше — символ контроля, который Азариэль намеревался сделать ее новым оковам. Охрана, два элитных демона с рогами, изогнутыми как серпы, и глазами, полными безжалостной верности, встали у дверей, их присутствие было как напоминание о неизбежности.

— Вот твои новые владения, — сказал Азариэль, его голос, гладкий и властный, эхом отразился от стен. — Роскошь, которой ты никогда не знала в своей дикой жизни. — он схватил ее за руку, не грубо, а с легким нажимом, который заставил ее кожу покрыться мурашками, и пристегнул цепь к ошейнику на ее шее, металл холодный и тяжелый, облегающий ее как вторая кожа. Лирия почувствовала, как он слегка провел пальцем по ее плечу, намекая на будущие интимные игры, но она отшатнулась, ее тело, все еще обнаженное и покрытое следами пыли с рынка, напряглось в ответ.

Внутренне Лирия кипела яростью, ее разум заполнили флэшбэки из прошлого — воспоминания о днях, когда она была свободной воительницей в северных землях. Она видела себя ребенком, бегущим по лесам, где воздух был чистым, а не пропитанным дымом, ее руки, сжимающие деревянный меч, тренируясь с отцом, великим воином, который учил ее: "Сила — в твоей воле, дочь. Никогда не давай себя сломать". Но те дни канули, как пепел в ветре; она вспомнила, как в битве потеряла все — деревню, сожженную демонами, друзей, растерзанных, и свою свободу, которую теперь этот демон хотел украсть. Эти воспоминания жгли ее, как огонь, и она поклялась себе, что не сломается, даже если цепи впиваются в кожу, оставляя красные следы, которые пульсировали с каждым ударом сердца.

— Эти цепи — не для наказания, а для твоей безопасности, — произнес Азариэль, его глаза скользнули по ее телу, отмечая, как цепь подчеркивает изгибы ее фигуру, создавая эротическое напряжение, словно она была живым произведением искусства. — Ты — мой трофей, и я не позволю тебе уйти. Но смотри, — он жестом указал на стол, — еда, одежда, все, что тебе нужно. Прими это, и ты научишься ценить свою новую жизнь.

Лирия зарычала, ее глаза полыхнули золотым огнем.

— Ты думаешь, что эти побрякушки сделают меня твоей? Я скорее умру, чем стану твоей игрушкой! — Она дернулась, пытаясь сломать цепь, ее мышцы напряглись, пот стекал по коже, подчеркивая силу ее тела, но металл держал крепко, вызывая легкий звон, который эхом разнесся по комнате. Ее борьба была бесполезной, и это осознание ударило ее как удар в грудь — она чувствовала беспомощность, как в том флэшбэке, когда демоны ее деревни окружили, и она не смогла спасти никого. Ее дыхание участилось, грудь вздымалась, и в этом моменте напряжение нарастало: Азариэль стоял близко, его присутствие было как теплое давление, намекающее на то, что эти оковы могут стать источником не только боли, но и запретных удовольствий.

Азариэль подошел ближе, его рука протянулась с подносом, на котором лежала шелковая туника и фрукты.

— Смерть? Нет, милая. Я дам тебе жизнь, полную удовольствий, если ты перестанешь брыкаться. — Его слова были как шелк, обволакивающий, но с угрозой, и он положил тунику рядом, его пальцы случайно коснулись ее руки, вызывая трепет, который она подавила. — Ты сопротивляешься, но я вижу в тебе потенциал. Ты была воительницей, но здесь ты станешь больше — моей.

Она оттолкнула поднос, фрукты рассыпались по полу, их сок оставил пятна на ковре.

— Ты — тиран, думающий, что власть делает тебя богом! Я ненавижу тебя и эти цепи, которые жгут мою кожу! — Ее крик эхом отразился, и стражи за дверью даже не шелохнулись, привыкшие к таким сценам. Внутренне Лирия боролась: часть ее хотела сдаться, почувствовать мягкость постели, но воспоминания о прошлом — о потерянной свободе — удерживали ее. Азариэль лишь улыбнулся, его взгляд скользнул по ней, отмечая, как цепь обвивает ее талию, создавая намек на интимность, которую он планировал развить.

Первая ночь в плену была испытанием. Когда Азариэль ушел, оставив ее одну с охраной, Лирия рухнула на кровать, цепь звякнула, ее тело, уставшее от борьбы, наконец расслабилось, но разум не успокаивался. Она лежала, уставившись в потолок, где резные фигуры демонов, казалось, шептали насмешки. Ее кожа горела от оков, и в тишине она осознала свою беспомощность — никто не придет на помощь, как в те дни, когда она была свободной. Но в этом осознании таилось семя чего-то большего: искра, которая могла перерасти в желание, питаемое ненавистью и тайным притяжением к ее похитителю.

Когда ночь углубилась, дворец ожил своими звуками — шепотом ветра в коридорах, столами отдаленных пленников. Лирия боролась с цепями, но в итоге сдалась, ее тело, покрытое потом, наконец успокоилось на мягких простынях. Азариэль, наблюдая из тени через потайной глазок, улыбнулся: это была всего первая ночь, и он знал, что ее сопротивление — лишь прелюдия к настоящему шторму.

Глава 3

Азариэль вернулся в покои на следующую ночь, когда луна скрылась за облаками, окутывая дворец в еще более густую тьму. Двери, вырезанные из эбенового дерева с инкрустациями золотыми рунами, открылись без шума, и он скользнул внутрь, как тень, полная обещаний и угроз. Воздух в комнате был тяжелым, насыщенным ароматом ночных цветов, которые Азариэль приказал расставить — их сладкий, дурманящий запах смешивался с легким металлическим оттенком от цепей Лирии, все еще прикрепленных к стене. Факелы мерцали слабо, отбрасывая оранжевые блики на ее обнаженную кожу, которая теперь была покрыта легким потом от беспокойного сна. Она лежала на постели, цепь позволяла ей только ограниченное движение, ее тело, изогнутое в позе вызова, казалось, пульсировало от скрытой энергии. Стражи за дверью оставались неподвижными, но Азариэль знал, что их присутствие — лишь декорация; настоящая власть была в его руках.

Лирия проснулась от легкого скрипа, ее глаза расширились, когда она увидела его — Азариэля, одетого в черный шелк, который обтекал его мускулистое тело, подчеркивая каждую линию силы. Его глаза, горящие как расплавленное золото, скользнули по ней, оценивая, как цепь обвивает ее талию, делая ее похожей на пойманного зверя, готового к укрощению. Она инстинктивно отодвинулась, цепь звякнула, но комната была слишком мала для побега. Ее сердце билось как барабан войны, воспоминания о прошлой свободе — бегах по лесам, где ветер ласкал кожу, — смешались с текущим моментом, вызывая волну гнева и, к ее ужасу, легкое возбуждение от его близости.

— Ты выглядишь так аппетитно в этих оковах, — сказал Азариэль, его голос был бархатным, обволакивающим, как теплая вода. — Но сопротивление только делает тебя слабее. — Он подошел ближе, его шаги бесшумные на ковре, вытканном из шкур поверженных существ, и остановился у края постели, его взгляд опускался на ее тело, отмечая, как ее грудь вздымается от дыхания. — Ты можешь оставаться в этой клетке в одиночестве, забытым эхом, или позволь мне показать тебе вкус свободы под моим руководством.

Лирия сжала кулаки, ее кожа, все еще чувствительная от цепей, покрылась мурашками от его слов.

— Никогда! Ты отвратителен, демон! — крикнула она, но ее голос дрогнул, слабея, как будто слова потеряли свою силу. Внутри нее бушевал шторм: она вспомнила, как в юности отражала атаки врагов, ее меч пел в воздухе, но сейчас цепи напоминали о ее беспомощности, и это ощущение — смеси страха и неожиданного тепла — разжигало конфликт. Ее тело предательски отзывалось: легкий озноб пробежал по спине, когда он сел на край постели, его теплое присутствие нарушило ее личное пространство.

Азариэль улыбнулся, его зубы блеснули в полумраке, и он протянул руку, осторожно, но уверенно коснувшись ее плеча. Его пальцы были теплыми, как шелк, нагретый солнцем, и они скользнули вниз, по изгибу ее шеи, оставляя след возбуждения на коже.

— Ты сопротивляешься, но твое тело говорит иначе, — прошептал он, его дыхание коснулось ее уха, неся аромат специй и власти. — Позволь мне показать, что подчинение — это удовольствие. — Он не спешил, его рука продолжила путь, обводя контур ее руки, чувствуя, как мускулы напрягаются под его прикосновением, но не в ярости — в чем-то более интимном.

Она попыталась отодвинуться, цепь звякнула громче, но Азариэль был неумолим.

— Если ты продолжишь брыкаться, я оставлю тебя здесь одну, в этой тишине, где твои крики никто не услышит, — пригрозил он, его слова были как шепот змеи, полный обещания одиночества. Это была не угроза боли, а чего-то хуже — полного игнорирования, что могло сломить ее волю. Лирия почувствовала, как ее сопротивление тает, ее разум заполнили противоречивые эмоции: гнев от его манипуляции, но и странное возбуждение, которое росло с

каждым касанием. Ее тело, покрытое легким потом, отзывалось на его тепло, соски затвердели под тканью, которую она надела накануне, и это предательство разожгло ее внутренний огонь.

Азариэль наклонился ближе, его губы нашли ее шею, и он поцеловал ее — не грубо, а с расчетом, его язык скользнул по коже, оставляя влажный след, который заставил ее задрожать.

— Чувствуешь? — прошептал он, его рука скользнула ниже, к ее талии, где цепь врезалась в плоть, подчеркивая ее уязвимость. — Это не боль, а начало чего-то большего.

Лирия попыталась отвернуться, но его хватка была твердой, и когда его губы нашли ее губы, она не смогла полностью сопротивляться. Поцелуй был глубоким, его язык вторгся в ее рот, исследуя, пока она боролась с желанием ответить. Ее тело предало ее — губы слегка раскрылись, позволяя ему углубить поцелуй, и она почувствовала волну тепла, которая разлилась по животу, вызывая неконтролируемое возбуждение.

Азариэль начал раздевать ее, его пальцы ловко развязали узлы туники, и ткань скользнула вниз, обнажая ее тело в свете факелов. Он провел руками по ее груди, сжимая мягкую плоть, его прикосновения были мастерскими, вызывая волны удовольствия, которые смешивались с ее гневом.

— Твое тело жаждет этого, — сказал он, его голос вибрировал от возбуждения, и он продолжил ласки, его пальцы скользнули между ее ног, намекая на большее, но не давая полного удовлетворения.

Лирия стонала, ее сопротивление ослабевало, но внутри нее бушевал конфликт: она ненавидела его за это принуждение, но возбуждение нарастало, как буря, ее бедра непроизвольно прижимались к его руке, ища облегчения.

Он не остановился, его губы переместились по ее телу, целуя грудь, живот, оставляя следы влаги, которые охладили кожу. Аромат его кожи — смесь дыма и мускуса — заполнил ее ноздри, и она почувствовала, как ее воля тает, воспоминания о прошлом — о битвах и свободе — смешались с текущим моментом, делая ее еще более уязвимой. Но в кульминации, когда она была на грани, Азариэль отступил, его глаза блеснули триумфом.

— Не сегодня, — сказал он, вставая и поправляя свою одежду. — Ты еще не готова полностью сдаться.

Лирия осталась лежать, цепь звякнула в тишине, ее тело горело от неудовлетворенного желания, кожа пульсировала от его ласк, а разум кричал от гнева и стыда. Она была оставлена в агонии, возбуждение пульсировало в ней, как напоминание о его власти, и это только разожгло ее внутренний конфликт — смесь ненависти и влечения, которая обещала сделать ее подчинение еще более неизбежным.

Глава 4

Тени дворца Азриэля извивались по мрачным коридорам, словно живые существа, питающиеся от мерцающего света кристаллов, вмонтированных в стены. Эти кристаллы, добытые из глубин подземного мира, пульсировали слабым фиолетовым свечением, отбрасывая на каменный пол блики, которые напоминали капли крови. Воздух был пропитан экзотическими ароматами — сладким ядом цветов из садов, где расцветали ядовитые лилии и колючие розы, чьи шипы могли разорвать плоть. Здесь, в этой тюрьме роскоши, Лирия почувствовала первый намек на ложную надежду, когда Азриэль, с усмешкой на губах, снял ее цепи.

— Я дарю тебе эту свободу, чтобы ты увидела, как прекрасна жизнь под моим крылом, — прошептал он, его голос был бархатным, как шелк, пропитанный ядом. — Но помни, один неверный шаг — и цепи вернутся, только туже. -- Его глаза, черные как бездна, скользнули по ее телу, задерживаясь на изгибах, которые ее потрепанная одежда не могла полностью скрыть. Лирия сжала кулаки, ее сердце билось как бешеное, эхом отзываясь в ушах воспоминаниями о былой свободе — ветре в волосах, когда она мчалась по полям с мечом в руке. Теперь же она была всего лишь игрушкой в руках этого бога-маньяка.

Азриэль позволил ей бродить по отобранным комнатам: библиотеке, где пыльные тома хранили древние секреты восстаний и падений империй; садам, где тропинки вились среди ядовитых растений; и баням, где пар от горячих источников обволакивал тело, как объятия змеи. Но каждый шаг следили стражи — молчаливые тени с мечами, готовые наброситься при первом признаке неповиновения. Лирия знала, что это ловушка, но ее упрямство, как огонь, не угасало. Она была воительницей, рожденной для битвы, и эта иллюзия свободы только разожгла ее ярость.

Ее первая попытка побега случилась в сумерках, когда тени сгустились в коридорах. Она кралась к главному выходу, ее босые ноги бесшумно ступали по холодному камню. В воздухе витал шепот слуг — этих жалких теней, прислуживающих Азриэлю. — Слухи о восстании в подземном мире растут, — прошептал один из них, его глаза блеснули страхом. — Бунтовщики собираются, чтобы свергнуть его. Если она найдет способ связаться с ними...

Лирия замерла, ее сердце заколотилось, как барабан войны. Она представила себе союзников, скрытых в тени, но прежде чем она смогла сделать следующий шаг, стража вышла из темноты.

Они схватили ее грубо, их руки впились в ее плечи, оставляя синяки.

— Дура, — прошипел один из стражей, его дыхание пахло гнилью. — Ты думаешь, что можешь убежать от него?

Лирия вырывалась, ее глаза пылали ненавистью.

— Я найду способ выбраться из этой проклятой клетки, даже если мне придется разорвать глотки стражам!

Ее слова эхом разнеслись по коридорам, привлекая внимание Азриэля.

Он появился как привидение, его фигура возвышалась в свете кристаллов.

— Ты такая страстная, сказал он, его губы изогнулись в улыбке, полной яда. — Это и делает тебя ценной. Но если ты попытаешься, я покажу, как быстро я могу погасить этот огонь — не болью, а одиночеством.

Он шагнул ближе, его пальцы случайно коснулись ее руки, и Лирия почувствовала легкий трепет — смесь отвращения и чего-то запретного, что разожгло в ней внутренний конфликт. Его взгляд задержался на ее теле, намекая на будущие интимные игры, где ее сопротивление станет частью развлечения. Она оттолкнула это ощущение, как слабость, но оно поселилось в ней, как червь в яблоке.

Азриэль отвел ее в библиотеку для "урока". Он усадил ее на стул, его присутствие давило, как гора.

— Ты думаешь, что свобода — это право? Нет, это привилегия, которую я контролирую. Ты — всего лишь искра в моем пламени.

Его слова были психологическим ножом, вонзившимся в ее разум. Он напомнил ей о ее прошлом: о потерянных сражениях, о друзьях, которых она не смогла спасти.

— Представь, что будет, если я оставлю тебя в одиночестве навечно. Без еды, без света, без надежды. Ты сломаешься, как все остальные.

Лирия бросила вызов:

— Ты — не бог, ты — тиран! Я не сломаюсь!

Но в ее голосе уже скользнула тень сомнения. Азриэль засмеялся, его смех эхом отразился от стен.

— О, ты сломаешься. И это будет прекрасно.

Он наклонился ближе, его дыхание коснулось ее шеи, намекая на то, что его контроль простирается дальше физических оков. В этот момент шепот слуг о восстании стал фоном, подчеркивая напряжение: мир за стенами дворца кипел бунтом, но внутри Лирия была в ловушке, ее свобода — всего лишь иллюзией.

Как тени сгустились, Лирия осознала правду: ее дерзость была оружием, но Азриэль мастерски поворачивал его против нее. Он был хитрым манипулятором, наслаждающимся ее борьбой, а она — упрямой искрой, которая начинала гаснуть.

Глава 5

Тени в тронном зале Азариэля сгушались, как дым от тлеющих углей, освещаемые лишь мерцающими кристаллами, вкрапленными в стены. Воздух был тяжелым от аромата горелого ладана и древней пыли, которая оседала на огромных фолиантах, выстроившихся вдоль полок. Здесь, в этом оплоте власти, Азариэль решил начать "уроки", превращая Лирию из дикой воительницы в послушную тень своего мира. Он сидел на троне из черного обсидиана, его фигура излучала ауру абсолютного контроля, а глаза скользили по ней с голодом, который он едва сдерживал.

— Ты думаешь, что свобода — это твое оружие? — произнес он, его голос эхом разнесся по залу, как удар бича. — Нет, это всего лишь иллюзия. Сегодня ты научишься подчиняться, чтобы выжить в моем царстве.

Лирия стояла перед ним, ее тело все еще отмечено синяками от прошлой попытки побега, но ее взгляд пылал вызывающим огнем. Она была одета в легкую тунику из шелка, который Азариэль выбрал специально — ткань облепляла ее формы, напоминая о ее уязвимости. Ее мысли вихрем проносились:

“Я не сломаюсь. Я выучу эти уроки, чтобы найти трещины в его броне.”

Уроки начались с языка демонов — древнего, шипящего наречия, которое звучало как шепот теней. Азариэль заставил ее повторять фразы, каждая из которых подчеркивала ее статус:

— Повтори за мной: Я — собственность короля. Это не унижение, а признание реальности, — сказал он, его губы изогнулись в полуулыбке, полной обещания.

Лирия усмехнулась про себя, прежде чем ответить.

— Я — буря, которая сметет твое королевство, — выпалила она, намеренно перевирая фразу, добавив насмешливый тон. Ее слова повисли в воздухе, вызывая легкое напряжение — стражи у стен зашевелились, но Азариэль лишь рассмеялся, его смех был глубоким, как раскат грома.

— Твое упрямство восхитительно. Но скоро ты увидишь, что подчинение — это не слабость, а путь к силе. А пока... попробуй еще раз, — ответил он, его глаза впились в нее, намекая на то, что это игра, которую он контролирует.

Уроки переместились в библиотеку, где пыльные тома шептали тайны забытых войн. Азариэль объяснял правила поведения подземного двора: как склонять голову перед высшими демонами, как скрывать эмоции за маской покорности, и как танцевать ритуальные танцы, которые символизировали лояльность. Он демонстрировал движения сам, его тело двигалось с грацией хищника — шаги были точными, почти гипнотическими.

— Смотри и повторяй, — приказал он, подходя ближе. Его рука коснулась ее талии, поправляя позу, и Лирия почувствовала электрический разряд — легкое прикосновение, которое разожгло в ней смятение. Ее кожа запылала, воспоминания о прошлых битвах смешались с этим неожиданным притяжением, которое она ненавидела.

“Он думает, что может сломить меня через это? — думала она. — Я использую его уроки, чтобы узнать слабости — те тайные ходы, что ведут к бунтовщикам.”

Во время танцевального урока в тронном зале, где эхо шагов отражалось от мраморных плит, Лирия нарочно сбивалась, делая шаги слишком резкими или добавляя насмешливые повороты.

— Ты учишь меня быть твоей марионеткой, но я — не кукла, — прошептала она, ее голос был полон иронии.

Азариэль ответил мгновенно:

— Тогда будь бурей, но под моим контролем. — Он притянул ее ближе, его пальцы скользнули по ее руке, оставляя след тепла, которое эхом отзывалось в ее теле. Это было не насилие, а нечто худшее — соблазн, который подтачивал ее волю. В ее уме всплыли прочитанные факты о прошлом Азариэля: как он завоевал трон, вырезав предателей в кровавой ночи, когда демоны рвали друг друга на части.

“Он был когда-то бунтовщиком, — размышляла она, — но теперь он тиран, цепляющийся за власть. Если я найду союзников среди тех, кто помнит его слабость...”

Кульминация наступила, когда Лирия попыталась использовать урок для сбора информации. Во время обсуждения правил, она спросила о "будущих угрозах", якобы из любопытства.

— Расскажи о бунтовщиках в подземном мире, — сказала она, ее тон был невинным, но глаза блестели хитростью. Азариэль замер, его лицо потемнело.

— Ты думаешь, я не вижу твои игры?

— Ты думаешь, что эти уроки сломают меня? Я выучу их, чтобы использовать против тебя, — парировала она, ее голос дрожал от усталости, но не сдавался. Азариэль схватил ее за подбородок, не причиняя боли, но заставляя смотреть в его глаза.

— Твоя дерзость граничит с уважением, — сказал он тихо. — Но за это наказание: побудь в своих мыслях.

Он запер ее в одной из боковых комнат, где тени шептались о надвигающихся бурях — намеки на восстание, которое зрело в глубинах. Лирия сидела в одиночестве, ее тело еще помнило его прикосновения, а разум боролся с усталостью. Ее сопротивление эволюционировало: от чистого бунта к стратегическому, где юмор и ирония становились оружием. Азариэль, в свою очередь, показывал харизму мудрого правителя — он был не просто тираном, а архитектором, вылепливающим ее в партнера, которого желал. Но под этой маской таилась тьма, и их взаимное уважение, которое они оба отрицали, только разжигало огонь.

Глава 6

В сердце дворца Азариэля, где тени извивались по стенам, словно змеи, жаждущие крови, король демонов устроил приватную встречу. Комната была удушающе интимной — тяжелые занавеси из черного шелка скрывали окна, а воздух пропитан ароматом жженных трав и пота давно минувших битв. Свечи мерцали, отбрасывая пляшущие отсветы на его лицо, делая шрамы похожими на карты завоеванных земель. Азариэль, этот выживший тиран, сидел на троне из костей поверженных врагов, его глаза — окна в бездну, где воспоминания о власти и утратах переплетались. Он пригласил Лирию не из жалости, а чтобы сломить ее через "близость", раскрывая части своей истории, чтобы она увидела в нем не монстра, а равного — сложного героя, рожденного в огне войн.

Лирия вошла, ее шаги эхом отражались в тишине, тело все еще носящее следы его предыдущих прикосновений, но разум ее эволюционировал: от чистой дерзости к хитрой усталости. Она была как загнанный волк, чьи клыки не затупились, но голод ослабил хватку. Сев напротив, она чувствовала прилив противоречий — он был похитителем, но в его глазах мелькала уязвимость, делая его почти симпатичным.

“Он выжил, как и я, — подумала она, — но это не оправдание его жестокости.”

Азариэль предложил ей выбор, наливая вино в кубки, что блестели, как лужи крови под луной.

— Продолжай сопротивляться, и ты останешься в одиночестве теней, — сказал он, его голос был бархатным, полным скрытых обещаний. — Или прими мое предложение: совместный ужин, прогулка по этим коридорам, где тайны шепчут о восстаниях. Это не дар, а шанс понять друг друга.

Его история хлынула, как река лавы, раскрывая восхождение к власти. Он описал юность: изгнанный принц, он вел войны, где реки текли кровью, а города горели, как факелы в ночи.

— Я правил этим миром, потому что другие были слабы, — сказал он, его взгляд затуманился воспоминаниями. — В первой битве я потерял брата, разорвав его на части своими руками, чтобы захватить трон. Армии демонов сталкивались в хаосе, с мечами, что пили души, и криками умирающих, эхом разносящимися по полям. Я сжег целые кланы, чтобы подавить бунт, но каждый шрам напоминал о цене — потери союзников, предательство, которое сделало меня тем, кем я есть. — Его слова были не просто рассказом; они были призывом, заставляя Лирию видеть в нем выжившего, а не тирана, сеющего семена симпатии в ее душе.

Лирия использовала это, задавая провокационные вопросы, чтобы манипулировать им.

— Твои истории — просто оправдания для твоей жестокости, — ответила она, ее тон усталым, но острым, как кинжал. — Я не забуду, что ты — мой похититель. Но если ты думаешь, что я поверю в твои сказки, то ты глупее, чем кажешься. — Ее глаза скользнули по его шрамам, и она почувствовала искру — не страх, а что-то темное, влечение, рожающее внутренний конфликт. Она подслушала слухи о бунтовщиках, затаившихся в тенях дворца, готовых использовать его слабости, и теперь шантажировала: — Что, если я расскажу о твоих потерях тем, кто ждет момента? Твои бывшие союзники, выжившие в твоих войнах, могли бы восстать.

Азариэль наклонился ближе, его дыхание обожгло ее кожу, вызывая нежеланное возбуждение — эротический намек, что разжигал ее усталость, ослабляя сопротивление. Противостояние перешло от физического к эмоциональному: их взгляды скрестились, и в воздухе повисла искра симпатии, как тень восстания в коридорах.

— Глупее? Нет, милая, — прошептал он, его рука коснулась ее плеча, вызывая дрожь. — Я вижу, как ты колеблешься. Твое тело уже знает, что сопротивление бесполезно. Ты напоминаешь мне мою молодость — полную ярости. Почему бы не присоединиться ко мне вместо того, чтобы бороться?

Лирия, почувствовав слабость, попыталась бежать, ее сердце колотилось от смеси гнева и влечения. Она рванула к двери, где тени шептали о грядущем восстании — слухи о предателях, собирающихся в секретных залах, — но Азариэль перехватил ее, прижав к стене. Его тело прижалось к ней, эротическое напряжение пульсировало, как удар сердца, вызывая в ней волну тепла, что ослабляло ее волю.

— Ты не уйдешь, — сказал он, его губы почти коснулись ее уха. — Твое сопротивление только разжигает интерес, но в глубине ты видишь во мне равного.

Глава 7

В лабиринтах дворца Азариэля, где коридоры извивались как вены в теле монстра, наполненные эхом шепотов о восстаниях и затхлым запахом страха, Лирия столкнулась с первым настоящим кризисом. Это была прогулка по садам — мрачным, с колючими кустами, что царапали кожу, и статуями демонов, чьи глаза, казалось, следили за каждым шагом. Азариэль настоял на этом "уроке", чтобы показать ей красоту его мира: тени, что шептали тайны, и реки крови, запекшиеся в земле от прошлых войн. Но Лирия, с ее эволюционирующей хитростью, усталой от постоянного сопротивления, не могла сдержать вспышку дерзости. Ее разум, раздираемый внутренним конфликтом, толкал на провокацию, словно крича:

“Я не сломаюсь, даже если тело шепчет об обратном.”

Инцидент вспыхнул внезапно. Когда они проходили мимо стражи — массивных фигур в доспехах, украшенных шипами, что блестели, как клыки в лунном свете, — Лирия не выдержала. Один из охранников, с грубыми руками, покрытыми шрамами от битв, толкнул ее плечом, предположив, что она слишком близко подошла. Ее усталость превратилась в гнев:

— Убери свои грязные лапы! — закричала она, ее голос эхом разнесся по коридорам, вызывая шепот теней. — Вы все — псы этого тирана, но я не ваша добыча!

Стража, раздраженная ее дерзостью, схватила ее за руку, сжимая слишком крепко, оставляя синяки, что пульсировали болью. Крики привлекли внимание, и толпа слуг, скрывающих свои предательские мысли о восстании, замерла в ожидании.

Азариэль вмешался как буря — его фигура, высокая и устрашающая, с плащом, что развевался, как крылья демона, разорвала хаос. Он оттолкнул стражу одним ударом, его глаза горели яростью, но в них мелькала забота, делающая его менее отталкивающим.

— Она моя, — прорычал он, притягивая Лирию к себе, его рука обхватила ее талию, вызывая волну тепла, что разожгла нежеланное возбуждение. — Видишь? Я защитил тебя, потому что ты — моя. Но если ты продолжишь рисковать, я не буду так милосерден. — Его слова были не просто угрозой; они были напоминанием о ее зависимости, подчеркивая, как в этом мире теней он — ее единственный щит, а она — всего лишь пешка в его игре.

Лирия боролась, но ее сопротивление слабело. В размышлениях, что бушевали в ее уме, она осознавала: ее дерзость не вечна.

“Я всегда была сильной, — думала она, чувствуя его тепло сквозь ткань платья, — но здесь, в этих коридорах, где каждый шаг может привести к смерти, я теряю уверенность.”

Ее эмоции вспыхивали — гнев смешивался с благодарностью, а усталость рождала моменты слабости. Когда стража отступила, она прошептала:

— Я не нуждаюсь в твоей защите! Ты — часть проблемы. Но... черт, почему ты делаешь это так сложно? — Это была ее первая настоящая просьба о помощи, скрытая под маской раздражения, показывающая уязвимость, что эволюционировала из ее характера.

Противостояние смягчилось, переходя в флирт и взаимное тестирование границ. Азариэль, с его сложной натурой выжившего тирана, использовал момент, чтобы приблизиться еще ближе. В тишине сада, где цветы яда цвели под луной, он прижал ее к стене, их тела соприкоснулись в напряженном объятии — эротический намек, более явный, чем раньше. Его дыхание обожгло ее шею, вызывая дрожь, что разжигала внутренний конфликт: желание боролось с ненавистью, намекая на будущую капитуляцию.

— Потому что я хочу, чтобы ты выбрала меня, — прошептал он, его губы почти коснулись ее, — не из страха, а из желания.

Это был флирт на грани, где его забота смешивалась с властью, делая его опасно привлекательным, а ее сопротивление таяло, как лед в пламени.

Дворцовые сады были полны скрытых опасностей — ямы с шипами, где падали предатели, и фонтаны, что текли черной водой, отражая отражения восстаний, шепчущих о бунтовщиках в тени. Лирия размышляла о своей ситуации, ее мысли крутились вокруг потерь — друзей, свободы, — но Азариэль, с его прикосновениями, заставлял ее сомневаться. Конфликт разгорелся в эмоциях: она чувствовала его силу, его тело, прижатое к ней, эротическое напряжение пульсировало, как предвестник бури.

Лирия отступила, сердце билось в ритме хаоса, осознавая, что барьеры рухнули: она больше не монолит сопротивления, а существо, балансирующее на краю влечения.

Глава 8

В сердце дворца Азариэля, где коридоры шептали тайны забытых мятежей, а воздух был пропитан ароматом запретных цветов, чьи лепестки источали яд желания, Азариэль устроил интимный ужин. Это был не просто трапеза — это было искушение, тщательно спланированное, чтобы сломить последние барьеры Лирии. Зал был освещен мерцающими свечами, отбрасывающими тени, что танцевали как демоны на стенах, а стол, уставленный блюдами из экзотических плодов и мясом, пропитанным кровью побежденных, создавал атмосферу интимности, граничащей с ловушкой. Азариэль, в своем темном одеянии, что обрисовывало его мускулистое тело, выглядел еще более властным — глаза горели голодом, не только от еды, но и от нее.

Лирия, с синяками от вчерашнего инцидента, все еще ноющая на коже, села за стол с усталой решимостью. Его разум, раздираемый конфликтом, шептал:

“Я устала бороться. Он — враг, но в этих тенях он кажется... привлекательным, как тень, что обещает тепло.”

Она видела в нем не только тирана, но и партнера — сильного, опасного, способного защитить, если она уступит. Ее сопротивление таяло, как воск под пламенем, но остатки дерзости заставляли ее колебаться, делая согласие полудобровольным, окрашенным страхом и влечением.

— Ты выглядишь... уязвимой сегодня, — сказал Азариэль, наливая ей вино из графина, что блестел, как кровь под луной. Его голос был шепотом соблазна, полным заботы, что делала его менее отталкивающим. — Я подготовил это для нас, чтобы ты поняла: я не только твой хозяин, но и тот, кто может дать тебе все, что ты желаешь. Выбери меня, Лирия, не из страха, а из желания.

Она подняла глаза, ее сердце билось в ритме хаоса.

— Ты думаешь, что это просто? — ответила она, голос дрожал от усталости и неосознанного голода. — Я не хочу быть твоей игрушкой, но... черт, ты заставляешь меня сомневаться.

Это был диалог, что разжигал огонь, ее слова — смесь сопротивления и приглашения, показывая эволюцию: она начинала видеть в нем не врага, а силу, что манила.

Ужин прошел в напряженном флирте — его рука касалась ее случайно, вызывая мурашки, а ее тело отзывалось, несмотря на протесты разума. Когда они закончили, Азариэль встал, притягивая ее ближе.

— Давай забудем о борьбе, — прошептал он, ведя ее в соседнюю комнату, где мягкий ковер из шкур побежденных зверей ждал, как постель для жертвоприношения.

Он начал с легких прикосновений — его пальцы скользили по ее руке, вверх к плечу, затем к шее, где пульс бился как барабан войны. Лирия вздохнула, ее тело напряглось, но усталость заставила ее расслабиться.

— Ты всегда так... настойчив, — прошептала она, ее голос перешел в стон, когда он прижал губы к ее коже, целуя шею с жадностью, что разжигала тепло внизу.

Его руки скользнули к ее платью, снимая его медленно, обнажая тело, что дрожало от смеси страха и желания.

Она почувствовала его дыхание на своей груди, где соски затвердели от возбуждения, и не сдержала тихий стон. Азариэль улыбнулся, его губы обхватили один сосок, посасывая с легким нажимом, вызывая волны ощущения, что распространились по всему телу.

— Ты такая отзывчивая, — прошептал он, его слова были шепотом в ухо, полным похоти. — Почувствуй, как я могу сделать тебя своей.

Лирия, с остатками сопротивления, попыталась отстраниться, но его прикосновения были неотразимыми — он гладил ее бедра, приближаясь к тайным местам, где ее тело отзывалось предательски.

Когда он добрался до ее низа, его пальцы осторожно раздвинули складки, исследуя с нежностью, что контрастировала с его властью.

— Твой бутон так набух, — прошептал он, касаясь чувствительного бутона легким круговым движением, вызывая волну удовольствия, что заставила ее выгнуться. Лирия застонала громче, ее тело дрожало, а разум кричал: “Я не должна, но это так хорошо.” Он продолжал ласкать лепестки, его пальцы скользили по влажным складкам, вызывая ощущения, что были как огонь и лед одновременно — тепло, пульсирующее, неотразимое.

Ее руки потянулись к нему, снимая его одежду, и она увидела его ствол, стоящий в полной готовности, как оружие, готовое к завоеванию.

— Ты... он слишком большой, — выдохнула она, но ее пальцы обхватили его, лаская с любопытством, что граничила с капитуляцией.

Азариэль ответил стоном, его тело прижалось ближе, и он прошептал:

— Тогда сдавайся, Лирия. Почувствуй меня. — Он вошел в нее медленно, его ствол скользнул между складками, проникая вглубь, вызывая ощущение наполненности, что смешало боль и экстазом.

Глава 9

Они двига

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.